

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 32. «Течёт через меня живой поток»

Выпуск № 35

Фёдор Тютчев

Колумб

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертёж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой –
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На Божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединён от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово –
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

Михаил Лермонтов

Когда б в покорности незнания
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать

В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, –
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски её мятежной
Душа узнать не может вновь.

1831

Осип Мандельштам

Я знаю, что обман в видении немислим
И ткань моей мечты прозрачна и прочна;
Что с дивной лёгкостью мы, созидавая, числим
И достигает звёзд полёт веретена, –

Когда, овеяно потусторонним ветром,
Оно оторвалось от медленной земли,
И раскрывается неуловимым метром
Рай – распростёртому в уныньи и в пыли.

Так ринемся скорей из области томленья –
По мановению эфирного гонца –
В край, где слагаются заоблачные звенья
И башни высятся заочного дворца!

Несозданных миров отмститель будь, художник, –
Несуществующим существованье дай;
Туманным облаком окутай свой треножник
И падающих звёзд пойми летучий рай!

1911

Выпуск № 757

Зинаида Миркина

Дай мне поверить глубине своей,
Дай мне поверить собственному сердцу.
Заброшенный во глубину морей,
Давно затерян скипетр Миродержца.

Всесилье наше спрятано на дне
Миров и чуть поблескивает в лицах...
Но это дно находится во мне.
Дай мне своей же глуби причаститься!

2001

Лариса Патракова

Течёт через меня живой поток
Любви и воли золотой Вселенной...
Я зачерпнула тайну между строк –
А это – Божий смех сбивает пену
С моей души, живущей как во сне
За частоколом из обид и боли...
Но золотой поток любви и воли
Вернул мою живую душу мне.

Марина Цветаева

Плоти – плоть, духу – дух,
Плоти – хлеб, духу – весть,
Плоти – червь, духу – вздох,
Семь венцов, семь небес.

Плачь же, плоть! – Завтра прах!
Дух, не плачь! – Славься, дух!
Нынче – раб, завтра – царь
Всем семи – небесам.

1918

Выпуск № 135

Иван Бунин

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?

Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слёз,
Зачем, о Господи, над миром
Ты бытие моё вознёс?

1917

Владимир Набоков

Жизнь

Шла мимо Жизнь, но ни лохмотий,
ни ран её, ни пыльных ног
не видел я... Как бы в дремоте,
как бы сквозь душу звёздной ночи, —
одно я только видеть мог:
её ликующие очи
и губы, шепчущие: Бог!

Выпуск № 432

Зинаида Миркина

Я ничего не делаю. Я жду.
О, этот час немого ожидания,
Когда как будто трогаю звезду
И чую гул в далёком океане.

Когда я знаю: Дух нерасчленим —
Нам лишь во сне положены пределы —

И мирозданье чувствую своим
Расправленным неуязвимым телом.

Разноголосый шум земной затих.
Всё неподвижно. Жду в безмолвьи строгом
Слияния с последним из живых
И этим самым – со всецелым Богом.

2001

Вячеслав Иванов

Вести

Lieberes zahren, Liebesflammen.
Fliesst zusammen!
*Novalis**

Ветерок дохнёт со взморья,
Из загорья;
Птица райская окликнет
Вертоград мой вестью звонкой
И душа, как стебель тонкий
Под росинкой скатной, никнет...

Никнет, с тихою хвалою,
К аналою
Той могилы, середь луга...
Луг – что ладан. Из светлицы
Милой матери-черницы
Улыбается подруга.

Сердце знает все приметы;
Все приветы
Угадает – днесь и вечно;
Внемлет ласкам колыбельным
И с биеньем запредельным
Долу бьётся в лад беспечно.

Как с тобой мы неразлучны;
Как созвучны
Эти сны на чуткой лире

С той свирелью за горами;
Как меняемся дарами, —
Не поверят в пленном мире!

Не расскажешь песнью струнной:
Облак лунный
Как просвечен тайной нежной?
Как незримое светило
Алым сном озолотило
Горной розы венчик снежный?

1912

* Слёзы любви, слёзы любви,
стекайтесь воедино! *Новалис (нем.)*.

Выпуск № 542

Зинаида Миркина

Что значит счастье? Счастье — это
Не я. — Исчезновение «я».
Совсем чиста душа моя,
Совсем порожняя посуда,
В которую втекает чудо
Из половодья бытия.
«Не я, не я», а только это
Живое половодье света,
Наплыв проточного огня.
Есть только он, и нет меня!
Вопросы? Но к чему вопросы,
Когда костёр души разбросан
По всем мирам, и угольки
Его то здесь, то в поднебесьи, —
То звёздной россыпью, то смесью
Лесов весенних и реки!..
О, этот ветер меж мирами,
Раздувший маленькое пламя
Души за страны, за края!
Великий ветер благодатный —
Мой дух... Так этот необъятный
И вездесущий — это я?!

Лариса Патракова

Сотни ритмов наполняют пульс,
Сто потоков чьей-то вещей крови,
Как стихи, что помню наизусть,
В даль мою вливаются любовью.

Вот он древний ужас мироздания –
Всё во мне: начала и концы,
Судьи, прорицатели, гонцы,
Лик вещей, утративших названья.

Хаос, смерч, смятенье, свет и тень –
Вихрь вселенной у начала слова...
Но душа уже почти готова
Отделить от ночи синий день.

Выпуск № 1263

Зинаида Миркина

О, наконец-то, Боже мой,
Я вышла из себя самой
К Тебе! Из этой темноты –
В такой простор! – Повсюду – Ты.
Одна сверкающая явь
Взамен всех тяжких снов. Избавь
Меня от этой скорлупы,
В которой глухи и слепы
Мы, спрятанные от очей
Твоих, живём во тьме своей.
К Тебе! К Тебе! В творящий вал!
К Тому, который разбросал
По небу этот ворох звёзд
И начал неустанный рост
И полный силы разворот
Души – во весь небесный свод.
Души и каждого листка...
О, всемогущая рука!
О, вездесущая Весна –
Во всех, на всех, сквозь всех – одна.

Осип Мандельштам

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задыхаться, чернеть, голубеть.

Если я не вчерашний, не зряшний, –
Ты, который стоишь надо мной,
Если ты виночерпий и чашник –
Дай мне силу без пены пустой
Выпить здравье кружащейся башни –
Рукопашной лазури шальной.

Голубятни, черноты, скворешни,
Самых синих теней образцы, –
Лёд весенний, лёд вышний, лёд вешний –
Облака, обаянья борцы, –
Тише: тучу ведут под уздцы.

1937

Выпуск № 908

Максимилиан Волошин

Второе письмо

И были дни, как муть опала,
И был один, как аметист.
Река несла свои зеркала,
Дрожал в лазури бледный лист.
Хрустальный день пылал так ярко,
И мы ушли в затишье парка,
Где было сыро на земле,
Где пел фонтан в зелёной мгле,
Где трепетали поминутно
Струи и полосы лучей,
И было в глубине аллея

И величаво и уютно.
Синела даль. Текла река.
Душа, как воды, глубока.

И наших ног касалась влажно
Густая, цепкая трава;
В душе и медленно, и важно
Вставали редкие слова.
И полдня вещее молчанье
Таило жгучую печаль
Невыразимого страданья.
И, смутным оком глядя вдаль,
Ты говорила:

«Смерть сурово

Придёт, как синяя гроза.
Приблизит грустные глаза
И тихо спросит: «Ты готова?»
Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень.
Какая тёмная обида
Меня из бездны извлекла?
Я здесь брожу как тень Аида,
Я не страдала, не жила...
Мне надо снова воплотиться
И крови жертвенной напиться,
Чтобы понять язык людей.
Печален сон души моей.
Она безрадостна, как Лета...
Кто здесь поставит ей межи?
Я родилась из чьей-то лжи,
Как Калибан из лжи поэта.
Мне не мила земная твердь...
Кто не жил, тех не примет смерть».

Как этот день теперь далёко
С его бескрылою тоской!
Он был как белый свет востока
Пред наступающей зарёй.
Он был как вещий сон незрящей,
Себя не знающей, скорбящей,
Непробудившейся души.
И тайны в утренней тиши
Свершались:

«Некий встал с востока

В хитоне бледно-золотом,

*И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко.
Земли пустые страшны очи.
Он встретил их и ослепил,
Он в мире чью-то кровь пролил
И затопил ей бездну ночи».*

И, трепеща, необычайны,
Горе мы подняли сердца
И причастились страшной Тайны
В лучах пылавшего лица.
И долу, в мир вела дорога –
Исчезнуть, слиться и сгореть.
Земная смерть есть радость Бога:
Он сходит в мир, чтоб умереть.

И мы, как боги, мы, как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Терять друг друга на пути,
Страдать, искать и вновь найти...

1904-1905

Зинаида Миркина

I

На дне души моей – тайник.
Он есть. Он здесь. Мгновенный блик,
Внезапный блеск зовёт туда,
Где одинокая звезда
Во мраке плотном и густом
Горит негаснущим огнём.
Сюда! Насквозь и напролом!
Внезапный взрыв, тот самый гром,
С которым лёд трещит весной, –
И вот, всё то, что было мной,
Весенний рвущийся поток

В единый миг сбивает с ног.
Неугомонный водопад,
Который рушит всё подряд,
Чтоб нерушимое найти. –
Безостановочность пути,
Поднявшийся девятый вал,
Который, наконец, достал
До точки вечности. Вот здесь
Всё то, что неизменно есть,
Всё то, чего не скроет мрак.
Нипочему. Нигде. Никак.

II

Жизнь – не стоячий пруд, – поток,
Который нас сбивает с ног.
Лишь тот поймёт, что значит «Бог»,
Кто ни на миг застыть не мог.
Чей дух, как вешняя вода,
Всегда в движении, всегда
Стремится сквозь покой и гладь,
И смерть способен обогнать.
Я говорю тебе «Добро»,
Ломающий моё ребро
Творец, – живой поток огня,
Огнём наполнивший меня.

2001

Выпуск № 1014

Николай Языков

Гений

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал –
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:

Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И Бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познаёт,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полёт;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила –
Дела избранника небес!

1825

Зинаида Миркина

Я видела Творца Вселенной,
Я видела творящий свет,
Вот тот, что проходил сквозь стены
И смерть саму сводил на нет,
Вот тот, что вечно жил в глубинах,
Хоть кажется, что там темно.
Он просто темноту раздвинул
И заглянул в моё окно.
И вот – как будто внутрь кристалла
Пучок лучей внезапно вдет...
И, пробудясь, я увидала
Лицом к лицу Творящий Свет.
Был лишь берёзы пламень белый
Да в соснах – золотая стрела,
А тишина вокруг гремела
Во все свои колокола.
Да, был всего лишь свет осенний.
Год просто подходил к концу.
Но кто не верит в воскресенье,
Пусть встретится лицом к лицу
Вот с этим Светом. –
С комом глины
Столкнётся Зодчего рука.

Ожог мгновенный. Мир единый
И – вновь зачатые века.

Выпуск № 1187

Вячеслав Иванов

Утёс

Недаром облако крутится
Над оной выпрренной главой
Гребней рогатых: грозовой
Орёл, иль демон, там гнездится,
Нахохлится; сверкнут зрачки;
Ущелья рокотом ответят;
Туманов кочевых клочки
Руном косматым дол осветят...

Я помню, с гор клубилась мгла;
Ширялся тучей зрак орла;
На миг упало оперенье:
Разверзлась, мертвенно бела,
Как бы расщеплена, скала,
И в нестерпимом озаренье
Блеснули – белизна чела,
Слепые, ярые зеницы...
И в мраке белой огневицы
Переломилась стрела.

1912

Иван Бунин

Там не светит солнце, не бывает ночи,
 Не восходят зори,
За гранитным полем грозно блещет в очи
 Смоляное море,

Над его ли зыбью, под великой тучей,
Мечется зарница,
А на белом камне, на скале горючей –
Дивная орлица:

Плещется крылами, красными, как пламень,
В этом море диком,
Всё чего-то кличет и о белый камень
Бьётся с лютым криком.

1916

Максимилиан Волошин

Сатурн

М. А. Эртелю

На тверди видимой алмазно и лазурно
Созвездий медленных мерцает бледный свет.
Но в небе времени снопы иных планет
Несутся кольцами и в безднах гибнут бурно.

Пусть тёмной памяти источенная урна
Их пепел огненный развеяла как бред –
В седмичном круге дней горит их беглый след.
О, прашур Лун и Солнц, вселенная Сатурна!

Где ткало в дымных снах сознание-паук
Живые ткани тел, но тело было – звук.
Где лился музыкой, непознанной для слуха,

Творящих числ и воль мерцающий поток,
Где в горьком сердце тьмы сгущался звёздный сок,
Что тёмным языком лепечет в венах глухо.

1907

Выпуск № 1057

Александр Блок

Они говорили о ранней весне,
О белых, синих снегах.
А там – горела звезда в вышине,
Горели две жизни в мечтах.

И смутно помня прошедший день,
Приветствуя сонную мглу,
Они чуяли храм, и холод ступень,
И его золотую иглу.

Но сказкой веяла синяя даль,
За сказкой – утренний свет.
И брежжило утро, и тихо печаль
Обнимала последний ответ.

И день всходил – величав и строг.
Она заглянула ввысь...
В суровой мгле холодел порог
И золото мёртвых риз.

1902

Зинаида Миркина

Душа... Душа... Как тихо там,
Где ты вошла!.. Как он трепещет,
Свет твой! И предстаёт глазам
Не вещь, не веский мир, а сам
Дух, трепет, создающий вещи.
И нарастает трепет. Весть
С той стороны. Беззвучный вихрь –
Тревога, радость, боль: Он здесь!
– И снова бесконечно тихо.

Так тихо, будто бы нема
Вселенная. – Ни лёгкой дрожи,
Ни шепотка... И смерть сама
Прибавить ничего не сможет

К сей тишине. Темным-темно.
Но что есть глубже и прекрасней
Той тьмы, где светится пятно
Души, перед которой гаснет
Мир целый? Из каких глубин
Последних, из каких падений
Выныривает блудный сын,
Уткнувшийся отцу в колени?

1983

Выпуск № 1331

Владимир Набоков

Серафимы

(из цикла «Ангелы»)

Из пламени Господь их сотворил, и встали
они вокруг Него, запели, заблестали
и, ослеплённые сияньем Божества,
расправили крыла и заслонились ими,
и очи вспыхнули слезами огневыми.
«Бог – лучезарная, безмерная Любовь!» –
шестикрылатые запели Серафимы;
метнулись, трепеща, приблизились и вновь
откликнулись, огнём божественным палимы,
и слёзы райские из ангельских очей
свободно полились, блеснув ещё светлей...
Одни на небесах остались, и звездами
их люди назвали. Они горят над нами,
как знаки Вечности... Другие – с высоты
упали в этот мир, и на земле их много:
живые отблески небесной красоты,
хвала, предчувствие сияющего Бога,
и пламенной любви блаженная тревога,
и вдохновенья жар, и юности мечты.

1918

Зинаида Миркина

Я пью тишину из большого ковша
Твоей родимой ладони,
Я пью глубину янтаря,
Золота тусклого блеск.
Я пью все цвета и цветы
До дна,
До густой темноты
Жаркой твоей ладони,
Дядатель.
Ты – мой последний предел.
Ты – беспредельность моя.
Я знаю, что там, где Ты,
Нет места моим глазам.
Я знаю, что там, где Ты,
Нет места моим словам.
Я знаю, что там, где Ты, –
Сердце стучит,
Дядатель.
Возьми же мои глаза,
Возьми же руки мои
И волю мою возьми –
Дохни на меня,
Дядатель.
Задуй меня, как свечу.
Я только к Тебе хочу,
Я только туда хочу,
Где сердце стучит,
Дядатель.
Выстукивается Жизнь,
Смешавшая верх и низ,
Смешавшая тьму и жар
В ударе.
Ведь мир – удар,
Внезапный прорыв огня, –
Ударь же огнём меня!
Ожги меня жаркой тьмой!
Пространством Своим размой –
Возьми меня в Жизнь, Дядатель.

Выпуск № 1123

Даниил Андреев

Бар-Иегуда Пражский (из цикла «Голоса веков»)

Ветер свищет и гуляет сквозь чердак.
На гвозде чернеет тощий лапсердак.

Жизнь – как гноище. Острупела душа,
Скрипка сломана и сын похоронён...
Каждый вечер, возвращаясь без гроша,
Я, как Иов прокаженный, заклеимён.

Даже дети сквозь кухонный гам и чад
"Вон, явился Богом проклятый!" – кричат.

И за милостыней рынком семеня,
Гневом Вышнего терзаем и травим,
Я кусаю руку, бьющую меня,
Как бичуемый пророком Мицраим.

А в колодце полутёмного двора –
Драки, крики, перебранка до утра.

Разверну ли со смирением Талмуд –
Мудрость праотцев строга и холодна:
Точно факелоносители идут
С чёрным пламенем святые письма.
И тогда я тайну тайн, врата ворот,
Разворачиваю книгу Сефирот.

К зыби символов в двоящемся стихе
Приникаю, как к целебному ключу,
Имя Господа миров – Йод – хэ – вов – хэ –
Онемевшими устами лепечу.

Так сегодня я забылся, и во сне,
Вот, виденье громовое было мне.

Видел я одновременно все края,
Всё, что было и что будет впереди...

Синим сводом распростёрт над миром Я,
Солнце белое горит в моей груди.

Мириады светоносных моих рук
Простираются в волнующийся круг,

Свет и жар – неистощимые дары –
Мечет сердце, как бушующий костёр,
И, рождаясь, многоцветные миры
Улетают в раздвигаемый простор...

Я проснулся, полумёртвый. Тьма везде.
Лапсердак висит, как тряпка, на гвозде.

1935

Андрей Белый

Дух

Я засыпал... (стремительные мысли
Какими-то спиральями неслись:
Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию не явленная высь) –

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла – сверлящие спирали –
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных числ,
В бунтующей, мыслительной стихии –
Не я, не я – благие иерархии
Высокий свой запечатлели смысл.

Звезда... Она – в неперенном блеске...
Но бегают летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

1914

Выпуск № 385

Александр Блок

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит...
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

1900

Даниил Андреев

Серебряная ночь пророка (из цикла «Голоса веков»)

Над белоснежною Меккою –
гибкой планеты хвост,
Дух песков накалённых
и острых могучих звёзд.
Звёзды вонзают в душу
тысячи звонких жал...
Благоговейный трепет
сердце пророка сжал.
Слышится ближе, ближе
шум непомерных крыл:
Конь с человеческим ликом
россыпи неба скрыл;
Грива – белыми волнами, сам он – словно туман;
Имя коню – Молния,
эль-Бохран.
Мчит пророка на север десятикрылый гонец,
Хлещет сирийский ветер,
душит, и наконец,
Весь запылён пустынею,

сполохами палим,
Сходит ночной наездник
в спящий Иерусалим.

В уединённом храме
ждут Моисей и Христос,
Вместе молятся трое
до предрассветных рос.
И в выси, откуда Солнце
чуть видимо, как роса,
Конь ездока возносит
на Первые Небеса.

Иерархии гигантские ширятся впереди:
Между очами ангела – тысяча дней пути...
Но на последнее Небо глагол непреклонный звал:
Скрывают лицо Аллаха
семьдесят покрывал,
И за покрывалами – голос, как ста водопадов шум,
Как опоясанный громом
и молниями
самум:

– Восстань и гряди, избранник, вдоль всех городов и стран,
Провозглашай народам
Мой истинный Аль-Коран! –

Головокруженье... омут...
отпрянувшие Небеса,
Звёзды, летящие вверх... Гаснущие голоса...
Толща холодных туч...
Старый кирпич
стен...

Ещё не остывшее ложе
и плоти свинцовый плен.
По-прежнему бдит над Меккой
белой кометы хвост,
Дух песков остывающих
и острых могучих звёзд.

Марина Цветаева

Остров

Остров есть. Толчком подземным
Выхвачен у Нереид.
Девственник. Ещё никем не
Выслежен и не открыт.

Папоротником бьёт и в пене
Прячется. – Маршрут? Тариф?
Знаю лишь: ещё нигде не
Числится, кроме твоих

Глаз Колумбовых. Две пальмы:
Явственно! – Пропали. – Взмах
Кондора...

(В вагоне спальном
– Полноте! – об островах!)

Час, а может быть – неделя
Плаванья (упрусь – так год!)
Знаю лишь: ещё нигде не
Числится, кроме широт

Будущего...

1924

Николай Заболоцкий

Зелёный луч

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.

Он сложился из скопления
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.

Я отправлюсь в путь-дорогу,
В эти дальние края,
К белоглавному чертогу
Отыщу дорогу я.

Я открою все ворота
Этих облачных высот,
Заходящим оком кто-то
Луч зелёный мне метнёт.

Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ –
Я его ещё добуду,
Мой зелёный слабый луч.

Но бледнеют бастионы,
Башни падают вдали,
Угасает луч зелёный,
Отдалённый от земли.

Только тот, кто духом молод,
Телом жаден и могуч,
В белоглавый прянет город
И зелёный схватит луч!

1958

[Даниил Андреев](#)

Эльдорадо

Знаю. – Откуда? – Отвечу:
Нет, не душой, не рассудком, –
Чем-то неназванным в речи.
Там, в глубине естества,
Слышу я сладко и жутко
Шум от летящих навстречу

Будущих наших столетий,
Взлёта их и торжества.

Внутренний слух обучая
Плещущим этим напевам,
Звонам их, кликам и вздохам,
Тёмному их языку,
Слышу от края до края
Штормы по дальним эпохам
С громом их, плачем и гневом,
С брызгами на берегу.

С кем говорили однажды
Их голоса ветровые,
Тот разучился покою
Прочной и хмурой земли:
Он – мореплавателю, жаждой
Будущей эры гонимый
И многопарусным строем
Правящий вдаль корабли.

Солнцем другим опалённый,
Омут грядущих мальстремов,
Новых созвездий восходы
Видевший издалика –
Как он поведает сонной
Скудной стране – о народах,
О многоцветных эдемах
Нового материка?

Вот, меж утихших сограждан,
В горнице душного дома,
Он на столе рассыпает
Золото сказочных стран:
Он повествует, как страждал
В зоне пустынь незнакомых,
Как, еле слышно ступая,
Крался в таинственный стан.

Но удивляясь червонцам
С чуждым гербом Эльдорадо,
Станут ли дети и внуки
Сумерками, при огне,
Глядя сожженные солнцем
Эти усталые руки,

О неразысканных кладах
Грезить и плакать во сне?

1950-1955

Выпуск № 1412

Алексей Толстой

Земля цвела. В лугу, весной одетом,
Ручей меж трав катился, молчалив;
Был тихий час меж сумраком и светом,
Был лёгкий сон лесов, полей и нив;
Не оглашал их соловей приветом;
Природу всю широко осенив,
Царил покой; но под безмолвной тенью
Могучих сил мне чуялось движенье.

Не шелестя над головой моей,
В прозрачный мрак деревья улетали;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как лёгкий дым, терялся в горней дали;
Лесной чебёр и полевой шалфей,
Блестя росой, в траве благоухали,
И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечёт?

Проникнут весь блаженством был я новым,
Исполнен весь неведомых мне сил:
Чего в житейском натиске суровом
Не смел я ждать, чего я не просил –
То свершено одним, казалось, словом,
И мнилось мне, что я лечу без крыл,
Перехожу, подъят природой всею,
В один порыв неудержимый с нею!

Но трезв был ум, и чужд ему восторг,
Надежды я не знал, ни опасенья...
Кто ж мощно так от них меня отторг?
Кто отрешил от тягости хотенья?
Со злобой дня души постыдный торг

Стал для меня без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознание бытия...

Тут пронеслось как в листьях дуновенье,
И как ответ слышалось мне:
Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине...
Лови же миг, пока к нему ты чуток, –
Меж сном и бдением краток промежуток!

1875

Даниил Андреев

из триптиха «У стен Кремля»

Был час, годами и пространствами
Слегка лишь в памяти замглённый:
Как ветер безумья раскалённый,
В сознание вжог он знойный след...
По городу бесцельно странствуя,
В виду Кремля, под гул трамвайный,
Облокотился я случайно
На старый мшистый парпет.

Час предвечерья, светло-розовый,
Бесшумно залил мостовые,
Где через камни вековые
Тянулась свежая трава,
И сквозь игру листвы берёзовой
Глядел в глаза мне город мирный,
Быть может, для судьбы всемирной
Назначенный... Москва, Москва!

Нет, не Москва, но Кремль. Он иглами,
Крестами, башнями, шатрами
Плыл над рекой. На каждом храме
Цвела закатная парча, –
Он спал, прекрасный и незыблемый,

Земной двойник Кремля другого,
Людьми повторенный сурово
Из бута, меди, кирпича.

Доступный долгими веками нам,
Теперь, от рвов до колоколен,
Он был недугом скрытым болен
Весь, до последнего жилья,
И в неприступном лоне каменном
Свершалась тяжкая работа,
Как если б там гнезвился кто-то,
Лукавый замысел тая.

Но – что это?.. Ведь я бесчисленно
Все эти камни видел с детства;
Я принял в душу их наследство –
Всю летопись их тёмных плит...
...Час духа пробил: с дрожью мысленной
Я ощутил, как вихорь новый,
Могучий, радостный, суровый,
Меня, подхватывая, мчит.

И всё слилось: кочевья бранные
Под мощным богатырским небом,
Таёжных троп лихая небыль
И воровской огонь костра,
В тиши скитов лампы ранние,
И казнь, и торг в столице шумной,
И гусли пиршеств, и чугунный
Жезл Иоанна и Петра.

Я слышал, как цветут поверия
Под сводом теремов дремучих
И как поёт в крылатых тучах
Серебrolитный звон церквей,
Как из-под грузных плит империи
Дух воли свищет пламенами
И развеивает их над нами
Злой азиатский суховой.

В единстве страшном и блистающем,
Как кубки с кровью золотые,
Гремящие века России
Предстали взору моему
Под солнцем, яростно взлетающим

Над этим страстным, крестным пиром,
Над тысячеобразным миром,
Чей нижний ярус тонет в тьму.

Казалось – огненного гения
Лучистый меч пронзил сознание,
И смысл народного избранья
Предощутился, креп, не гас,
Как если б струи откровения
Мне властно душу оросили,
Быть может, Ангелом России
Ниспосланные в этот час.

1941-1950